

2. Патрик Дж. Бьюкенен. Смерть Запада. Москва : АСТ Москва, 2007. 445 с.
3. Остапенко Г. С. Исламское сообщество Лондона и выборы мэром столицы мусульманина Садика Хана // Новая и новейшая история. 2017. № 3. С.118-131.
4. Семененко И. С. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах // Мировая экономика и международные отношения. 2006. №10. С. 58-68.
5. Nathalie Brack, Nicholas Startin. Euroscepticism, from the margins to the mainstream // International Political Science Review. 2015. Vol. 36. № 3. P. 239-249.

УДК 008 (100) + 316.73

Жангожа Р. Н.

ИССЛЕДОВАТЬ МИР ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ОЩУЩЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ ВО ВСЕЙ ЕГО УНИВЕРСАЛЬНОЙ ПОЛНОТЕ И МНОГООБРАЗИИ

Автор осуществил попытку рассмотрения турбулентных процессов, в которых происходят сложные конфигурации различных этнокультурных дискурсов. Драматизм ситуации состоит в непаритетности и отсутствии консенсуса акторов этого процесса, вызывающих болезненную реакцию участников контактов.

***Ключевые слова:** этнокультурный дискурс, глобализационные процессы, мультикультурализм, информационное пространство, турбулентность, интеграция, имплементация.*

Rustem Zhangozha. Investigate the world through of the empirical sensation of reality in all its universal completeness and versatility

Author tried the overview of turbulent processes, in which complex configurations of different ethnocultural discourses is discussed. Dramatic situation is not in parity and absence of actor's consensus of this process, which summons painful reaction of the participants of these contacts.

***Keywords:** Ethnocultural discourse, globalization processes, multiculturalism, information space, turbulence, integration, implementation.*

Системы европейских ценностей как референтных ценностей в дискурсе глобализирующейся культуры предполагает выведение некоего алгоритма, определяющего шкалу предпочтений и отрицаний расширившегося за последний век мирового культурного пространства.

К первоочередным причинам масштабных корреляций при контактах различных историко-культурных моделей и процессов, в первую очередь, можно отнести определенные нормативные отношения и оценки историко-культурных традиций, наблюдатели которых, находясь внутри данных историко-культурных локаций и временных измерений (хронотопов – термин М. Бахтина), воспринимают и расценивают значимые события в своей жизни по-разному.

Сказанное относится и к смене социокультурного дискурса и социокультурного ландшафта, необратимо расширяющихся в условиях глобализации и её составляющей – транскультурных процессов, связанных со все увеличивающейся массовой миграцией этнокультурных групп на территории, более благоприятные для их полноценной жизнедеятельности.

Что касается понятийной реконструкции историко-культурной эволюции как основной составляющей в нашем понимании исторического процесса, то она, уже по факту своего «места прописки», имела «родовые признаки», сформировавшиеся в условиях жизнеуществования традиционных этнокультур, значительно отличающихся и не совпадающих с их экстраполяцией исследованиями представителей чужой для них культуры.

С другой стороны, получившие образование в научных и культурных центрах Европы и Северной Америки представители стран-аутсайдеров так называемого «третьего мира» испытывают значительные затруднения при попытках интерпретации и артикуляции в терминах и понятиях «референтных культур», научных школ и культурных традиций стран своего обучения.

Иллюстрацией этому состоянию может служить признание первого Премьер-министра получившей независимость Индии Джавахарлала Неру о том, что он «изучал Индию как просвещенный европеец». Хотя этим признанием не исчерпывается весь сложный спектр мнений и самооценок, которые приобрели устойчивую популярность в художественных исследованиях.

Достаточно ознакомиться с публикациями одного из теоретиков движения «Негритюд» алжирца Франса Фанона или лауреата Нобелевской премии в области литературы, нигерийского писателя Воле

Шоинки с его резонансным романом «Интерпретаторы», в котором европейские либерально-демократические ценности с традиционными ценностями, имплементируемые ими (интерпретаторами) в социально-политическую жизнь своих обществ, живущих в условиях политического и социально-экономического транзита, оказывались несовместимыми, а сами инициаторы-культуртрегеры подвергались у себя на родине политическим и уголовным преследованиям.

Но проблемы взаимопонимания представителями различных цивилизаций друг друга, при всем их драматизме, лишь одно, хотя и типическое, но далеко не последнее, затруднение, с которым сталкивается всякий исследователь. Перед ним – распростертый океан различных, рядоположенных, но не имеющих между собой очевидной смысловой связи, фактов и сведений, подлинный смысл которых может быть истолкован самыми различными и даже противоположными принципами и системами оценок. И, со всей неизбежностью, возникает вопрос: какими методами и средствами интерпретировать этот бессистемный набор эмпирических сведений?...

С этого момента исторические артефакты уступают место идеологии и подвергаются перекодированию с «нужным» и легитимным пониманием прошлого как причины настоящего. Одна лишь логическая интерпретация культурного феномена не способна охватить все разнообразие признаков и характеристик культурного артефакта как части социокультурного со-Бытия. По этим причинам перед исследователем возникает настоятельная необходимость расширить арсенал исследовательских подходов и практик. В частности, привести их в некое целостное образование посредством новых принципов и методологий подхода.

Понятие метода, каким видит его цитируемый выше Эрнест Кассирер, образует в каждой исследовательской системе центр, от которого радиусы ведут к проблемам различных локаций. На методе, в конечном счете, основано все операционное единство мыслительного процесса, которым обладает данная система. Метод не может быть выражен в отдельном понятии или в отдельном положении. Он обладает свойством постоянно раскрываться во всей полноте отдельных проблем и продуктивных мотивов в качестве мета-системы, позволяющей объединить в целостное понятие пространственно-временной континуум [1, с. 322].

Таким образом главным затруднением, тормозящим адекватное рассмотрение и понимание исторического нарратива, выступает отсутствие универсального метода, при котором различные истори-

ко-культурные традиции и их оценки могут рассматриваться в духе и в направлении компаративизма и на паритетных принципах и условиях, удовлетворяющих все стороны межкультурного диалога.

Именно по причине сознательной (или бессознательной) ограниченности видения проблемы, осознания мультикультурной целостности современного мира как гомогенного, полноценного, гармоничного и динамично развивающегося процесса возникает понятийная лакуна, в которую устремились различные квази-идеологемы, претендующие на свой доминирующий конституционный статус в качестве единственно правдивой генеральной версии современного Бытия в его современных проявлениях, характеристиках и оценках.

Столкнувшись с таким развитием событий на рубеже второго и третьего тысячелетия христианства, Западный мир пересматривает и переоценивает свой культурный багаж – римское право, принципы авраамической этики, легшие в основу иудаизма и христианства, которые столетиями составляли метафизику и жизненную практику европейской модели жизнестроения общества и его культуры, определяя базовые принципы неотъемлемых прав человека в качестве «коллективного договора» [2].

Однако на вопросы о том, каким образом можно актуализировать и максимально распространить их на все сферы жизни современных западных социумов и как вернуть безусловную веру людей в абсолютную истинность христианской традиции, удовлетворительных ответов нет.

Сегодняшний мир под влиянием ускорения глобализационных процессов, беспрецедентного расширения информационного пространства и культурных контактов вступил в фазу турбулентности, в которой прежние формы модернизации всех жизненных реалий и сознания перестали соответствовать требованиям адекватного понимания происходящих перемен на всех стратификационных уровнях современных обществ. На смену ему все настойчивее приходит постмодерн, претендующий стать доминирующей теорией и методологией современного, динамично развивающегося мира.

Можно говорить о том, что это направление художественного познания стало реакцией сопротивления либеральному гуманизму художественных и интеллектуальных течений модернизма: апологеты постмодернизма упрекали модернистов в наивной универсализации опыта западной культуры. В особенности, культуры среднего класса – основного носителя социальных и экзистенциальных ценностей европейской цивилизации и образа жизни.

Характерные признаки постмодернизма нетрудно распознать и предать критическому анализу. Однако этос, лежащий в его основе, еще недостаточно исследован и не поддается адекватному анализу традиционными методами и инструментариями. Причина этого состоит, с одной стороны, в том, что сами идеологи постмодерна, как правило, изыясняются невнятно, а с другой – в том, что противоречивость и непоследовательность, имманентные их образу мышления, отрицающего существование стабильной реальности и достоверного знания, не дают возможность определить критерии истины, без которых всякая дискуссия утрачивает какой-либо смысл.

Традиционные ценности – мораль, здравый смысл и ясность, равно как и семиотика, структурализм, марксизм и экзистенциализм, – отвергались модернистами по тем же причинам. Сегодня трудно прогнозировать, как отреагирует постмодернизм на масштабные изменения демографического ландшафта Европы, вносящие в ее социальную и культурную жизнь значительные перемены.

Теперь становится все труднее игнорировать новый социокультурный дискурс в условиях массового исхода мусульман Ближнего Востока и Северной Африки в Европу, аксиология которых существенно отражается в общественных и межличностных отношениях между различными этническими, социальными и конфессиональными стратами, радикально изменяющими социально-психологическую атмосферу общества, его аксиологическую систему, психосматику и поведенческие стереотипы межличностных отношений, которые пока еще удовлетворяют формату постмодернизма как открытого информационного и культурного пространства – «глобальной деревне».

Но состояние неупорядоченности и некоей интроверсийности внутри постмодернистской концепции не может продолжаться бесконечно долго, поскольку стремительно меняющемуся по своему демографическому и этнокультурному облику обществу и его субъектам необходимы достоверные знания о самом себе как в широком социальном, так и в экзистенциальном измерении, служащие ему неким надежным навигатором для ориентации в выборе оптимальной модели своего *modus vivendi* (способа существования) в этом безумном мире «глобальной деревни».

Рациональные эмпирические сведения отнюдь не всегда совпадают с живущими внутри конкретного человека истинами и принципами и безотносительны по отношению к ним. Именно поэтому понимание внутренних механизмов психики человека без учета его внутреннего мира в его неотъемлемой связи с окружающим миром,

в основе которых лежит коллективное бессознательное – архетип – система, состоящая из переплетения эмпирических и изотерических связей, представляется неполным. А значит и неадекватным [3].

В нашем случае в качестве «модельного объекта» могут выступить так называемые группы смертников-шахидов, или «голубых китов», призывающих подростков к суициду. Как представляется, для перекодировки их психосоматики используются манипуляционные технологии, суть которых состоит в переориентации сознания из внешнего, рационального восприятия во внутреннее состояние иррационального восприятия действительности. В результате этих определенных манипуляций сознание социально неблагополучных людей, отчаявшихся найти себя в реальном и жестоком для них мире, переключают в зону подсознательного, в которой приоритетами выступают идеи лучшего, более справедливого мира, находящегося за пределами мира реальности. Для «правильного» перехода в этот манящий своими гармоническими условиями мир надо совершить решительный шаг – уничтожить существующее в этом несправедливом мире зло, оплатив свой поступок своей физической жизнью...

Использованные источники и литература:

1. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. Москва : Гардарика, 1998. 784 с.
2. Лиотар Ж-Ф. Состояние постмодерна. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб : АЛЕТЕЙЯ», 1998. 160 с.
3. Юнг К. Г. Синхроничность: сборник М. - К. : Рефл-бук; Ваклер, 1997. 320 с.

УДК 001.895 + 339.94 (061.1 ЕС + 477)

Vasyliiev O. A.

THE PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE UKRAINE-EU SCIENCE AND TECHNOLOGY COOPERATION AS A PART OF EUROPEAN VALUES

Science and technology are the part of European values. The Ukraine-EU science and technology cooperation is based on the agreement signed on 4 July 2002. The current levels of EU-Ukraine cooperation is carried out through the Program for Research and Technological Development (Horizon 2020) and